

СМЕЯТЬСЯ, ПРАВО, НЕ ГРЕШНО...

У ЕЛИЗАВЕТЫ БОРИСОВНЫ АУЭРБАХ есть удивительное, просто редкое свойство: быть на сцене такой, как в жизни, и в жизни — такой, как на сцене. Лицо, манеры, голос — все всегда «свое». Вот хоть теперь, накануне этой встречи в редакции, звоним ей в гостиницу, спрашиваем:

— За вами когда машину прислать?

— За мно-ой? Маши-ину?.. Да что я, пижонка, что ли?

Кажется, у нее на сей счет есть даже четко сформулированная житейская философия: «не усложняй себе жизнь лишними заботами о собственной персоне». Помните ее рассказ из «Подслушанных разговоров»? «Я много лет живу в стареньком домике, таких в нашей Москве становится все меньше и меньше. Мне говорили, что в моем доме останавливался Наполеон, когда горела Москва, и с тех

двор дом не ремонтировали...»

Нет, чувствуя, что перескакивать Ауэрбах нельзя. Не смешно получается. Это надо видеть, когда она сама, на полном серьезе, даже без тени улыбки говорит о своем доме, в котором «останавливался Наполеон»...

Впрочем, наша редакционная встреча не преследовала цель «рассмешить» журналистскую аудиторию. Елизавета Борисовна рассказывала о своем нелегком пути в литературу и на сцену. О концертах МХАТа, в котором она тогда работала, — перед фронтовиками, в годы войны. О незадачливой книжке какого-то актера, представлявшего войну «вроде бы так, да не так». О том, как решила сама составить первый в своей жизни военный рассказ, в котором бы все было «так». Именно составить, а не написать, потому что все свои невыдуманные рассказы Ауэрбах никогда не пишет, а «складывает в голове»...

Ну, а затем — о послевоенном жите-е-бытье; о своей «отчаянной, до гробовой доски любви» к ЖЭКам: «Я ужасно люблю ЖЭКи, потому как много лет на большую сцену меня не пускали (хм, что это еще за эстрадный жанр — собственные рассказы?) и говорили в филармонии: «Вот тебе путевка — иди читать свои рассказы в ЖЭК номер такой-то».

...Неуемное жизнелюбие помогает ей находить комедийные ситуации даже там, где, как говорится, смехом и не пахнет. Вот вам сюжет: молодая супружеская пара, занятая подсчетом, сколько чемоданов и тюков с барахлом удалось им привезти из какой-то поездки, забывают е такси грудного ребенка. Ауэрбах и шофер разыскивают «милых» родителей: «Что вы забыли в машине?» Те в десятый раз пересчитывают чемоданы: «Нет, ничего не забыли». А когда шофер возвращается и приносит ребенка, папаша начинает долго-долго рыться в карманах в поисках подходящей купюры, находит в конце-концов трешницу и произносит: «Спасибо. Вот вам за труды. На двоих»... В общем-то, скандальная ситуация с гипертрофированными мешанами, но это его последнее «на двоих» невольно вызывает смех — уж слишком хлестко, слишком неожиданно, одним единственным словом раскрывает Ауэрбах мурло мешанина.

И так у нее — смешно, хлестко, буквально двумя-тремя штрихами — все рассказы, которые рождаются прямо на ходу:

— Слушайте. Живу я в вашей распрекрасной гостинице «Приморская». Все, как говорится, по высшему классу. Вместо будильника, чуть свет, машины прямо под окнами

«вжи-ии, вжи-ии, вжи-ии» — пора просыпаться... Потом черноусые дядьки зычными голосами на все четыре этажа начинают блондинкам в любви объясняться... Потом какой-то дяденька притаскивает маленькую машинку на колесиках, ту самую, которой газоны стригут — и целых два часа как из пулемета: «та-та-та-та»... А еще через полчаса закатывают на этот самый газон а-агромаднейший грузовик и из него, прямо на подстриженную траву, сваливают новую гостиничную мебель... Слушайте, я ума не приложу: зачем тот работага целых два часа своей машиной тарахтел?

...Ну, чем не готовый рассказ для выступления с эстрады?

Фото И. АЛЕНИНА.

• ЧЕРНОМОРСКАЯ СЛУЖБА •
г. СОЧИ

11 APR 1975